

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

TERRA

TARTARARA

ЭТО

КАСАЕТСЯ

ЛИЧНО

МЕНЯ

Лауреат «Национального бестселлера», финалист «Русского Бухера»

Захар Прилепин **TERRA TARTARARA. Это касается лично меня**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180107

Terra Tartarara. Это касается лично меня: АСТ, Астрель; М.; 2009

ISBN 978-5-17-058382-9, 978-5-271-23362-3

Аннотация

В новой книге Захара Прилепина собраны эссе, написанные за год, – о литературе и политике, о путешествиях по миру и любви...

Захар Прилепин – открытие в прозе последних лет, один из самых перспективных, талантливых и неординарных молодых писателей нашего времени. Популярность Захара, особенно среди молодежи, растет с каждым днем.

Человек «с биографией» (Чечня, участие в политическом движении), знаковая медийная фигура, финалист премий «Русский Букер» и лауреат премии «Национальный бестселлер».

Пишет ярко, жестко, узнаваемо. Его книги интересны и читаемы не только в России, но и в Европе.

Содержание

От автора	4
TERRA TARTARARA	5
ВТОРОЕ УБИЙСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА	9
ДОСТАЛО	14
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ПОНИМАЮ	17
НЕ ХОТЕЛОСЬ ВСЕРЬЕЗ, НО ПРИДЕТСЯ...	22
ФИДЕЛЬ – ЭТО ПОЭЗИЯ	25
СЛИШКОМ МНОГО ПРАВЫХ	28
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗРАБОТНОГО	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Захар Прилепин

Terra Tartarara. Это касается лично меня

От автора

Книга эссе «Terra Tartarara» сложилась неожиданно и странно.

Однажды, ну вот буквально на днях, я понял, что связка бурных и лохматых текстов, написанных в последние времена (и, как правило, на коленке, в режиме перманентного цейтнота), оказалась подчинена собственной внутренней логике – и все эти тексты едины. Несмотря на то что в одном речь идет о политике, в другом – о литературе, в пятом – об истории, в седьмом – о любви, в девятом – о путешествиях по миру, а в тринадцатом черт знает о чем.

В каком-то смысле «Terra Tartarara» – продолжение предыдущей книжки моих эссе «Я пришел из России». Там была собрана публицистика за все нулевые годы, вплоть до 2007-го. В этой – тексты только за один год, следующий. Но их получилось, во-первых, много, а во-вторых, объединяет ощущение, что та Россия (из которой я, как мне нравится думать, пришел) вот-вот обвалится на нас, а мы – обвалимся в нее, и будет это – Terra Tartarara. Земля Тартарара. В тартарары, в общем, обвалимся.

Ощущение это меня не покидало весь год, и я спешу им с вами поделиться.

Началось все с зарисовки «Милый мой Щелкунчик, дорогой мой Шелкопер», написанной в канун Нового года по предложению журнала «Glamour». Пародируя известную сказку Гофмана, я нарисовал ироническую фантазию на тему предстоящего кризиса в моей стране.

Началось с «Щелкунчика», а закончиться так и не смогло.

В этом смысле и нашумевшая переписка с банкиром Петром Авеном, и размышления о природе русского бунта («Снять черную ржавчину, вскрыть белую грудочку...»), о Фиделе Кастро («Фидель – это поэзия»), о поэте Анатолии Мариенгофе, бурно приветствовавшем революцию 17-го года и красный террор, за что товарищи даже прозвали его «мясорубкой» («Великолепный Мариенгоф»), о смерти музыканта и революционера Егора Летова и тем более о наших современниках Эдуарде Лимонове и Александре Проханове – являются созвучными, крепко срифмованными.

Не говоря уже про навязчивые мои писания о подступившем к горлу кризисе в любой, наверное, сфере (дурацкое слово какое) нашей жизни: и в политике, и в экономике, и в российском кино, и в душе русского интеллигента, и в сердце русского человека как такового.

Написание книги этой, впрочем, никак не влияло в течение всего года на мое беспечное настроение; убежден, что не повлияет и на ваше.

Я искренне надеюсь, что все мои предсказания не сбудутся и все выводы – не верны. (А они сбудутся. А они верны.)

TERRA TARTARARA

Все, как всегда, началось неожиданно. Спустя три дня уже никто не мог поверить, что всего этого не было еще неделю назад.

Неделю назад в стране Terre Tartarara выступал министр финансов и в очередной раз уверил всех, что ничего не случится. Неделю назад на первой полосе в прошлом оппозиционной газеты «Tomogrow» было опубликовано 116-е за минувший год интервью главного редактора с представителем главы госкомитета то ли по энергетике, то ли по кибернетике: в целом смысл и вопросов, и ответов интервью сводился к тому, что Empire № 5 уже вокруг нас и ее можно потрогать руками. Неделю назад телевидение было как телевидение, президент как президент, Malakhov как Malakhov, Sobchak как Sobchak, Malakhov как Malakhov.

Ничего не предвещало беды.

Были некоторые проблемы с бывшей колонией страны, землей Ukraine, там как-то постепенно, разгораясь понемногу, началась чуть ли не гражданская война, West против East. Но с другой стороны – разве это касалось страны Terre Tartarara? Напротив, чужие нелады стали, как поначалу казалось, отличным способом еще раз сплотиться вокруг власти в своей земле, где подобного кошмара, безусловно, никто никогда не допустит.

Нужно было, конечно же, что-то предпринимать, тем более что по всей стране неожиданно стали самоорганизовываться добровольческие пункты, которые легко переходили границу и терялись на просторах Ukraine.

Но все как-то ничего не предпринималось, тем более что внутренняя обстановка все-таки несколько раздражала.

Уже около полугода маленькие банки лопались один за другим, а большие уже устали их подъедать. По всей стране разорилось несколько тысяч малых и средних предприятий, которые не смогли взять вовремя нужные им кредиты и стремительно расстались сначала со своими работниками, потом со своими помещениями, затем с директорами и звучными юридическими именами. Большие банки сначала гарантированно выдавали вклады напуганному и недоверчивому населению в объеме до 700 тысяч, потом сумму снизили до 400 тысяч, потом – до 200.

Все это, впрочем, по-прежнему не имело никакого значения.

Больше всего нервничали граждане, имеющие хоть что-то, но они точно не хотели иметь дело с, так сказать, оппозицией. И, значит, ничего произойти не могло.

А те, кто, как и прежде, не имели ничего, смотрели на, так сказать, оппозицию с тем же удивлением, как мужики и мальчишки, зависшие на заборах и деревьях, смотрели в свое время на riot of decembrist.

Оппозиция, как и прежде, щетинилась и повышала голос, но это было немое кино. Тут и не такое не замечали.

К примеру, где-то в районе Caucasus, кажется, в Ingush Republic, уже несколько месяцев шла небольшая позиционная война, имели место захваты заложников и убийства первых административных лиц.

Но и это, знаете, не имело никакого значения.

Равно как и новый виток передела собственности в портовом городе St. Petersburg, связанный с очередной сменой местной власти.

Равно как и недавний случай у границы с государством China, где было вырезано несколько деревень. На главной площади страны, в Большой Башне, минуту подумали, что, может, стоит заявить ноту протеста по этому поводу, но так как никто в мире ничего не заме-

тил, решили тоже ничего не замечать. И не заметили. Быстро отвлеклись на иные заботы, их было много – беда с этими офшорами.

...Да и какой смысл в этих деревнях, есть они, нету их...

Здесь вообще мало что имело значение ровно до того момента, когда неожиданно, в одну секунду, значение стало иметь все, в том числе и не имевшее его в принципе. Разом обвалились все смыслы, и все люди предстали голыми.

А началось так, по глупости.

Губернатор области N, крайне встревоженный происходящими в его личной карьере событиями, проснулся больной, раздраженный и даже раздавленный. Его, это уже было точно известно, не переназначили на новый срок. Вчера он был на приеме в Большой Башне и, посекундно задыхаясь, пытался доказать, что с его уходом регион обвалится и рассыплется, экономика остановится, а элиты рассеются. Его молча выслушали и не ответили ни слова.

Пора было вставать и уходить.

Губернатор встал, лобастый, лысый и потный, и еще секунду стоял, дерзнув смотреть самому главному человеку в державе прямо в глаза.

– Вас услышали, – сказал самый главный, не отводя взгляда, и губернатор почувствовал, что его жизненный путь завершен и он ничего уже не успеет, ничего уже не сможет, никому уже не нужен.

– Да что вы услышали... – в сердцах сказал он, разворачиваясь к дверям, и уже на букве «ш» в слове «услышали» начал сесть корнями волос от ненароком вырвавшейся оплошной и нелепой фразы. На выходе он оглянулся быстрым, взмыленным кабаньим взглядом, надеясь, что никто не понял сказанного им, но по перевозданной брезгливости лица главного, уже выговаривавшего что-то секретарю, все стало окончательно ясно.

Утром губернатор пришел на работу с жуткой головной болью и тут же был огорошен своим собственным ставленником и крепким другом, начальником местного MVD, потребовавшим срочной встречи и с порога доложившим о шумных беспорядках в кварталах проживания выходцев с Caucasus.

– В чем проблема? – прохрипел губернатор, сжимая голову и потряхивая ей, в детском ожидании, что произошедшее вчера окажется все-таки сном.

– Выходцы с Caucasus утверждают, что милиция убила их человека. Это был очень важный человек. Муфтий.

– Кто?!

– Mufti.

– Кто убил, я спрашиваю? – прорычал губернатор.

– Наши опера. Вчера. В кафе на рынке, – скороговоркой ответил глава MVD. – Но это пока закрытая информация.

Губернатор сжал голову еще раз, так, что показалось, хрустнула черепная коробка.

– Это не сон, – сказал губернатор. Начальник MVD вскинул умные глаза, понял, что фраза его не касается, и сделал вид, что ничего не расслышал.

– Сядь, – попросил губернатор. – Давай-ка выпьем, – и вызвал секретаря.

Принесли коньяк, включили огромный телевизор, размещавшийся напротив губернаторского кресла, закрытый в обычное время специальной панелью. Сразу угодили в новости. В Ingush Republic вчера ночью была попытка штурмовать здания MVD и республиканской управы. Властью был открыт огонь на поражение, погибли люди.

Следом шел комментарий второго лица в государстве, который привычно и жестко говорил о необходимости соблюдения конституционного порядка и недвусмысленно выразил поддержку руководству Ingush Republic. Видимо, ему больше ничего не оставалось делать: а кого еще было поддерживать там, в конце концов.

Тут начальнику MVD позвонили, и он несколько секунд сидел с ледяным лицом; маленькая трубка почти исчезла в мохнатом ухе.

– Демонстрация у здания MVD. Весь центральный рынок собрался... – сообщил он губернатору, отключившись. – ...Возбужденные...

(Наполненные стаканы остались стоять на столе. Этот коньяк выпьет спустя день совершенно посторонний человек, в недавнем прошлом – водитель трамвая.)

– Пожестче там! – крикнул губернатор вслед начальнику MVD, вдохновленный увиденной на экране картинкой. – Дави, если что!

– Пожестче там! Выводи спецназ, – отзвонился начальник MVD своему заместителю спустя минуту.

– Пожестче, ребята! – сказал начальник спецназа личному составу за 10 минут до того, как они высыпали в задний двор здания MVD, и за 15 минут до того, как они выстроились цепью перед злыми, гортанно кричащими людьми.

Собственно, стрелять никто не собирался, но в толпе кто-то бросил безобидный, но очень дымный взрывпакет, и у парня по имени Gavriła Princip не выдержали нервы. (Он только что отслужил «срочку» в районе Caucasus и собирался жениться на подруге убитого в Ingush Republic однополчанина – но подруга была против.) Gavriła неожиданно для себя самого дал очередь прямо в толпу, а толпа неожиданно для самой себя тоже оказалась немного вооружена. Стрелять начали все, но у спецназа стволов было больше, и вскоре они убили множество людей, причем отдельных из них догоняли уже во дворах.

По странному стечению обстоятельств в тот же день через тот же город проезжал поезд, где один вагон был занят парой взводов из состава спецбатальона «Caucasus – East» – они направлялись в портовый город St. Petersburg, разрулить одну сложную ситуацию, связанную с очередным переделом собственности.

В городе N вспомнили об этом только за десять минут до прибытия поезда. Начальник MVD решил заблокировать опасный вагон, во избежание эксцессов, тем более что в городе творилось черт знает что. Но в вагоне уже знали о происходящем – им отзвонились братья из города N, причем звонок, как и следовало ожидать, был маловнятный: в трубку кричали, что «...тут озверели совсем... стреляют всех подряд... Dghoĥar убит... да-да, двоюродный брат твоего дяди по матери... Hasan убит... да, да, шурин твоего троюродного брата по отцу... вас положат прямо в поезде, клянусь... береги себя, брат!»

Был сорван стоп-кран, бригада высадилась в течение сорока секунд, через 11 минут захватила на трассе три легковых машины и фуру, через 27 минут беспрепятственно, за 1500 гирее, въехала в город через пост GIBDD; а через 39 минут в городе началась гражданская война.

Начальник MVD был убит одним из первых случайной пулей, влетевшей в окно его кабинета, а затем в мохнатое ухо.

Растерявшийся губернатор позвонил в Большую Башню. Его соединили с нужным человеком. Нужный человек безобразно накричал на губернатора (кричал почему-то с акцентом), а в финале разговора послал собеседника прямым текстом.

Слыша беспрестанную стрельбу по всему городу, губернатор выпил полбутылки коньяка из горла, сказал: «Да пошли вы сами...», заказал бронированное авто и выехал в аэропорт, откуда вскоре вылетел за границу.

На помощь бойцам спецбатальона «Caucasus – East» стремительно выдвинулось ополчение из соседнего региона. На помощь горожанам стремительно вернулось ополчение, направлявшееся в сторону Ukraine.

Регион оказался лишен управления, и в городе немедленно начались погромы. Свои боевые бригады быстрее всех организовали: местная преступная группировка – это раз, и служба охраны градообразующего предприятия – это два.

В течение двух суток партизанская война и хаос перекинулись в соседние регионы. В тот же день в разных концах страны, никто уже не знает по какой причине, случились две крупные аварии; в Ingush Republic все-таки сменилась власть, и новоприбывшие сразу же объявили о своей независимости; у границы с государством China началась натуральная резня; в портовом городе St. Petersburg другие два взвода спецбатальона «Caucasus – East», все-таки добравшиеся до места назначения, взяли заложников, но ничего не потребовали.

Зато банки наконец лопнули, сразу все. Остановился транспорт. Упал курс гурее.

Воинские подразделения центральной части страны стремительно проявили свою полную деградацию. Самоорганизованные части народного ополчения отказывались воспринимать хоть чьи-то приказы; но им никто ничего и не приказывал.

Когда на пятый день обращение к нации из глубин Большой Башни было все-таки готово, в половине центральной части страны не было ни местной власти, ни электричества.

...Странная встреча случилась спустя неделю у бывшего губернатора.

Он шел по шумному коридору многоэтажного здания; здесь никто не говорил на его родном языке, но все говорили на чужом, неустанно перебегая из комнаты в комнату (на телевизионных экранах шли стремительные, невнятные, шумные новости из родной страны губернатора). Он только что провел, как сам он это назвал, «консультацию».

У переводчика были рыжие пальцы, он сидел совершенно бесстрастно, но губернатор мучительно мечтал удавить этого свидетеля сразу после завершения беседы.

Но беседа завершилась, и он никого не удавил, а шел себе и шел по коридору.

И тут ему встретился тот человек, что неделю назад послал его прямым текстом, когда губернатор звонил в Большую Башню.

Они минуту стояли молча друг напротив друга.

– Ты что здесь делаешь? – мрачным шепотом спросил житель Большой Башни; впрочем, в речи его чувствовалась некая неуверенность.

– Ты же меня послал, – сказал бывший губернатор шепотом, ухмыляясь и уверенно перейдя на «ты», – ты сам что здесь делаешь? – спросил он.

– ...Я не послал, – ответили ему, и улыбка смягчила губы отвечавшего. – Я не послал тебя, – повторил он по слогам, – я просто назначил тебе встречу. И видишь, мы все здесь встретились.

ВТОРОЕ УБИЙСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА

...Сегодня это стерлось в памяти, сегодня уже о другом болит.

Но нет-нет и вернется знакомое ощущение гадливости и беззащитности, беззащитности и гадливости...

Знаете, в самом последнем, постыдном, обывательском смысле я ничего не потерял, когда ушел этот Красный союз, когда треснула и развалилась, дымя, империя моя.

Мой папа не был советским патрицием, и мама тоже никем не была. Они были простыми, милыми, добрыми, небогатыми людьми; папа к тому же пьющий.

Мне не о чем было жалеть: мы жили как все – без острой обиды, без грешной печали, без мучительной надежды. Страна была данностью, нас не научили ее сбечь. Советский Союз вообще вырастил генерацию удивительно инфантильных людей.

Детство мое прошло в серой, зеленой, потом опадающей, потом белой, полупустой, негромкой деревне.

Удобства были во дворе, в сельмаге никогда не было мороженого, фруктов, колбасы и кофе, но я и не знал, что они должны там быть; и ничего, с голода не умер, даже не собирался.

Зато у нас был двухэтажный дом: отцу предоставили от школы, где он работал, – и я был горд, горд, горд этим домом: он до сих пор стоит, почти такой же большой, как в детстве, только несколько ссутулившийся.

Я жил в провинции России, где все – медленно, неспешно, еле-еле и, вполне возможно, в никуда.

А нам и не надо было никуда.

В детстве для меня не случилось никакого Советского Союза: я его так и не встретил, не видел его в глаза, не держался за брючину с лампасами, не слышал голоса его. Не осталось даже запаха: пусть бы он пах махоркой, или «Беломорканалом», или, не знаю, оружейным маслом, трактором, ГЭС, мавзолеем, чем угодно. Ничем не пах. И вкуса не осталось: хоть бы килькой в томате он кислил, морской капустой безвкусил, шоколадкой «Аленушка» сластил, новогодней мандаринкой радовал. Но и вкуса не было.

Ничего не осталось: ни особых примет, ни очертаний.

Тихий Союз проплыл мимо моего детства большой и грузной тенью, полный железа и сложных конструкций; почти неслышно осел на дно: стоит теперь там грузный и угловатый, безобидный и ржавый – только тени внутри, только глупые мальки, только течение вялое и ледяное.

Я мог бы придумать, каким был Союз для меня, это несложно.

Помнится, к примеру, такая картина. Деревенский вечер. Знаете, что такое деревенский вечер, зимний, черный и холодный? Нет, вы, верно, не знаете...

Это город полон шумом, машинами, звонками, дворниками, соседями, топотом в подъезде, грохотом мусоропровода, лаем на улице. Даже ночью город подрагивает и постукивает, тормозит и вскрикивает.

А вечер в деревне – это как будто дом лежит под тонной мягкого, глухонемого снега, и только генсек в Кремле и космонавт в спутнике знают, что посреди рязанского черноземья еле теплятся два детских сердца – это я и моя сестренка, сидим вдвоем, почему-то без света, без радио, у печки.

Мне пять лет, сестре – одиннадцать.

И – тишина, только в доме перила скрипят. И – нет никого, один Советский Союз вокруг, огромный, безмолвный, весь в снегу.

И вдруг топот на крыльце, и мы с сестрой слетели со своих табуреток, как две погремушки, полные визга и писка.

– Мама! – сестра.

– Папа! – я.

Родители приехали из Москвы, навьюченные тюками, пакетами и сумками, как рязанские верблюды. Молодые, с морозца, большие и теплые, и если присмотреться, то похожи они на двух взрослых ангелов. Целуют нас и тут же начинают сумки разбирать.

В сумках – о! ах! м-м-м! – сосиски, великое множество сосисок. Если постараться – как раз до второго этажа, по перилам, можно эту связку протянуть и так и оставить вместо новогодних гирлянд, для красоты.

Ну и еще там что-то было: сыры, наверное, круглые; апельсины, наверное, желтые, с черным таким ромбиком на боку; масла еще, булки, спиртное всевозможное, откуда мне все упомянуть.

Иные это как унижение до сих пор воспринимают: вот-де, за самым необходимым приходилось ехать в самую столицу. А я никак не воспринимал. Если бы родители за всем этим сходили в сельмаг – кого бы мы тогда ждали так долго с сестрой под тонной темнеющего, глухонемного снега?

Это и не Советский Союз даже, а детство мое. При чем тут Советский Союз вообще, он что, меня обокрал?

Нет, напротив: он дал мне все, что мне было нужно, и никогда не делал вид, что меня нет.

Медсестра забегала за мной, чтобы сделать прививку; соседка приглядывала за мной, малолетним, не прося за это у родителей денег; библиотекарь заглядывала ко мне, чтобы рассказать, что пришел из города «Электроник»; повар в школе подкладывал мне самые сладкие кусочки; участкового я не видел в деревне ни разу, потому что у нас никто не дрался, не воровал, не хулиганил; вся огромная родня наша могла собраться и две, а то и четыре недели развлекаться, напрочь забыв о работах и заботах своих; усталая страна смотрела на всех нас сверху, и во взгляде ее не было ни жестокости, ни отчуждения.

Я только потом это оценил, когда новая страна, в которой я волею судеб очутился, стала делать вид, что меня нет, а если я есть, то она тут ни при чем.

Новая страна вела себя агрессивно, нагло, подло, хамовито. Главным постулатом ее было: «А кто виноват в том, что ты такой убогий? Посмотри на себя, ты! А? Ну, убожество ведь! Видишь, нет? Уходи с глаз долой, видеть тебя не могу...»

Появилось восхитительное слово «совок». Вообще я не жестокий человек, но тому типу, что придумал это определение для всех советских людей вообще, я бы лично отрезал кончик языка. При слове «совок» этот тип издавал бы характерный, ласкающий мне ухо свист.

Нельзя было так говорить. Особенно тогда нельзя было.

Это сейчас от ветеранов Великой и Отечественной остался битый взвод – а в те дни еще в силе находились их могучие ряды. Краснознаменные, упрямые, готовые хоть сейчас в новую атаку, шли они по улицам, поднимая морщинистые подбородки, – недаром их так ненавидел злой и взгальный писатель Виктор Астафьев, презиравший все свое военное, окопное, советское, социалистическое поколение.

И вот их – в медалях и орденах, с забытыми меж ребер осколками, их – с гордыми и слезящимися глазами, которыми они четыре года подряд заглядывали за край бездны, – их «совками» прозвать? Их, отстроивших эту страну заново, на которую вы налетели, как последнее шакалье?

Отрезать язык надо было обязательно...

В те дни я, не познавший никакого унижения за три пятилетки своей юной жизни – то есть вплоть до 90-го года, – именно тогда я впервые испытал унижение, злость и обиду.

В те дни Советский Союз получил очертания, и вкус, и цвет, и запах. Ненависть ненавидящих его родила во мне любовь и нежность к нему.

Сегодня, говорю я, все это стерлось в памяти, сегодня уже о другом болит.

Но нет-нет и вернется знакомое ощущение гадливости и незащитности, незащитности и гадливости.

Такое, говорят, испытывали и по сей день испытывают иные несчастные дети: когда их мерзкие переростки затаскивают в подвал и пугают всячески, и кривляются, и скалят гадкие рожи, оголяя желтые клыки, и говорят дурное о родных: про мать твою, и про отца твоего, и о сестре тоже. И ты не можешь ничего сделать, и даже расплакаться сил нет, только детский крик в гортани: «Как же так можно, вас же тоже мама родила!»

Я никогда не испытывал подобного в детстве, а вот в юности меня заставили это испытать.

Это было во время первого убийства Советского Союза. Оно произошло не в августе 91-го и не осенью 93-го. Оно длилось, и длилось, и длилось.

Когда теперь я смотрю на судьбу демократии в России и даже пытаюсь эту так долго ненавистную мне демократию спасти, я понимаю, что в самом ее явлении изначально был заложен страшный первородный грех, с которым долго не живут.

О, какую пакость несли вы в те годы, златоусты, прорабы, витии!

...О, как много пакости изливали вы, как больно мне было слушать вас...

Я знаю, какой демократии хочу: не предавший отца своего и деда, не плюнувший себе под ноги, не менявший убеждений с пятнадцати лет – знаю.

Но какой демократии хотите вы, с той вашей, памятной мне, мерзостью о Зое Космодемьянской, с той вашей, незабытой доньне, подлостью о Юрии Гагарине, с той вашей, тлеющей по сей день, пакостью о Сергее Есенине, с вашими неустанными «выдави раба по капле», с вашими неумными «так жить нельзя», с вашими бесконечными липкими словами, в которых, как в паутине, путался, вяз и терял кровь рассудок всякого русского человека?

Какие свободы, если самое слово «русский» было ругательным полтора десятилетия! Я же помню, как пришел в журналистику на исходе 90-х и хотел назвать свою статью «Русские заметки», но получил удивленные глаза в ответ: вы что, голубчик? Какие еще «русские»? Знаете, чем это пахнет?

Смешно вспоминать, но ведь так все и было!

Если поднять подшивки журналов и газет тех мутных времен, а то еще и вскрыть телеархивы – можно на любом Страшном суде доказать, что вы не оставили не единой целой косточки в нашей национальной истории, вы поглумились над каждым трупом, вы станцевали на каждой святыне, вы Красное знамя моей Победы выбросили вон, потом не удержались, выбежали вслед и ноги о него вытерли.

Нет вам теперь счастья в России. Отчего вы сделали так? Зачем моя свобода теперь навек ассоциируется с вашими осклизлыми именами, с вашими бесстыдными делами, с вашими червивыми речами?

Потом, да, мы все помним, настало время отдохновения. Исчез хоровод бесчисленных, неумных, хохочущих сванидз, и остался Сванидзе один – постаревший, уставший, так и не убивший раба в русском советском человеке, но, напротив, возраставший маленького раба в себе, – я знаю, что говорю, я слышал, как трогательно он перебирает хвостом, когда его спрашивают о моих краснознаменных, диких, юных, красивых друзьях, которым новая жандармерия выбивает зубы, ломает руки и черепа, которых сажают в темницы и забивают насмерть на допросах.

Советский Союз оставили в покое, иногда лишь пинали походя – оттого, что старые могильщики и некрофилы не научены ничему иному, кроме как раскапывать и закапывать, раскапывать и закапывать. И еще оттого, что инфантильные в юности рязановы и евшушки остались инфантилами пожизненно: они так и не осознали, что охаяли они и что предали.

Но это уже не было государственной стратегией. Напротив, государство послунявило глаза, сделало скорбный вид и, подняв ржавый горн к небесам, стало периодически издавать им самые разные звуки: то пионерскую зорьку сыграют, то гимн имени Сергея Михалкова, то «Подмосковные вечера», то мелодию из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Под эти бодрые мелодии они свершили быструю, неприятную реставрацию ржавого советского репрессивного аппарата и ржавой советской идеологической машины, в которой слова про «учение Маркса– Энгельса-Ленина» заменила увлекательная мантра о стабильности.

Вместо огромных плакатов (я пять лет в школу ходил мимо них) «Решения XXV съезда КПСС в жизнь!» появились такие же, но с предложением воплотить в жизнь тайный план нашего дорогого пока еще президента. Самое обидное, что даже марзатический съезд КПСС был способен к принятию решений, которые, чем черт не шутит, можно было воплотить в жизнь, а вот сегодня плана никакого нет вообще, и этого даже не скрывают от нас.

Но отчего-то весь тот агитационный абсурд, что тридцать лет назад вызывал у миллионов людей то ли зевоту, то ли тошноту, сегодня у многих и многих вновь вызывает приступы бодрости и аппетита.

Так произошло второе убийство уже мертвого к тому времени Советского Союза.

Нынешние реставраторы добились того, чего не смогли сделать никакие витии и мессии в течение всех, гори они красным огнем, 90-х годов: собрав воедино все атрибуты ханжества, глупости и низкопоклонства «красной» эпохи, они бесповоротно доказали, что терпеть это все во второй раз ни сил нет, ни смысла.

Дошло до того, что я сам стал произносить слово «совок». И еще: «Совок, блин!» И иногда даже: «Совок, блядь!»

Отрубите мне кончик языка: я заслужил.

И тем не менее.

И тем не менее.

И тем не менее.

Пока рот мой не забили глиной, я буду снова и снова повторять: моя Родина – Советский Союз. Родина моя – Советский Союз.

Понимаете, вы?

Вот то, что вы растерзали, в чем отложили свои червивые личинки, что вытащили из гроба и снова нарядили, – вот это все – не моя Родина. Я с этим под руку не пойду, как делает нежно любимый мной Александр Андреевич Проханов. Он не разочаровался еще в попытках вдохнуть жизнь в эту гадкую мумию. А я не хочу, я брезгую.

Мой Советский Союз не оживить, он умер, я знаю место захоронения: там горит Вечный огонь, туда можно выйти сквозь любую темноту и вновь ощутить себя ребенком, за которого есть кому заступиться.

Мой Советский Союз не ополнить: потому что на Вечный огонь не оденешь шутовской колпак, его не пересадишь в колбу, и он не станет гореть там, куда не снизойдет живой дух никогда.

Мой Советский Союз не оболгать, он знает себе цену и помнит свое имя.

Напоминаю тем, кто забыл, что родился он не в результате разврата на германские деньги, но в ходе – Великой – это р-р-раз! – Октябрьской – это два! – Социалистической – это тр-р-и! – Революции, – это все.

Это все, говорю.

ДОСТАЛО

Нет, мы вас предупреждали. Мы пытались договориться.

Мы склоняли повинные (на самом деле ни в чем, в отличие от ваших, не повинные) головы и пытались протянуть теплые пальцы навстречу вашей руке: «Да, это была страшная эпоха, вся эта советская власть. Эпоха ужаса и трагедий. Давайте вообще не будем об этом больше. Давайте думать о завтрашнем дне, о будущем. У нас так много забот».

Слова получались неловкие, деревянные, клацали боками, как поленья. Клац-клац.

Мне очень не хотелось спорить с либералами. Пока я клацал боками, либералы смотрели на меня насмешливо. Ну-ну, продолжайте, молодой человек. Продолжайте-продолжайте. Что вы там сказали: давайте забудем? Семьдесят лет кровавого режима забудем? Черную дыру, засосавшую Россию? Две трети столетия, потраченные впустую? Всю эту бездарную, неустанную, бессмысленную бойню? Растоптанные понятия о справедливости, милосердии и чести? Я пожимал плечами: ну, что мы можем, в конце концов, со всем этим сделать? – вопрошал я. «Вы тоже, – опрометчиво, но еще миролюбиво говорил я, – совершили немало ошибок...» Ну, конечно, ага. Российские либералы – совершили немало ошибок? Ну, конечно.

Вообще не совершили, как выясняется, ни одной.

Все эти ошибки, да-да-да, были заложены еще тогда, в мрачные годы проклятой советской власти. Кризис географии и демографии государства. Гибель деревни. Упрощение культуры. Экономический коллапс. Падение нравов. Распад оборонки. Чечня. Буденновск. Немыслимые взрывы домов в столице нашей Родины. Подлодка «Курск». Битцевский маньяк. Квачков. Женя Родионов. Торговля детскими органами. Торговля курсантами в военных училищах. Беспорядочность. Пахучие стада бомжей. Шприцы в подъездах. Гастарбайтеры. Таджикская девочка. Русский мальчик. Цветущие публичные дома, расположенные в частных квартирах ровно напротив зданий внутренних органов. Очень длинный список ошибок. Огромный, беспощадный состав, накотивший на нас из небытия семи десятилетий, – и если бы не мужественные либеральные деятели, стоявшие плечом к плечу на путях, состав обрушил бы нас в крошечную бездну.

Но не обрушил. Нас спасли. До сих пор спасители носят на лицах розовые маски благодетелей. Когда я слушаю непобедимо надменных либералов, когда я вижу, как, скажем, раскудрявый нижегородский реформатор одергивает зарвавшихся «левых», объясняя, что их место на свалке, в который раз снисходительно бросая: «...Мы знаем, чем все это закончилось», меня немного ломает, и где-то в подсердечье бьется раздражительная жилка, которая вот-вот лопнет.

Мы зарвались только в том, что зовем их вместе с нами, наряду с нами, не оставляя друг друга и не предавая, разрешить несколько насущных проблем. Но разве с нами можно иметь дело – им, белоснежным, с яркими глазами, с яркими губами.

Послушайте, я, человек безусловно левых взглядов, готов принести вам вины за то, что я не совершал. Готов простить вам вины, которые вы совершили. Уже простил, потому что вы во многом правы (только не пытайтесь сейчас же откусить мне всю руку и еще часть туловища, если я только что ненароком подал вам палец). Я готов вообще жить вне идеологий и забыть о своей, если вы не будете с утра до вечера попрекать меня ею, подсовывая вашу, единственно верную, точку зрения.

Но только уберите эту вашу невыносимую самоуверенность с лиц. Но только станьте в конце концов либералами, хоть ненадолго. Я тоже буду либералом вместе с вами. Останемся каждый при своем касательно истории прошлого столетия, в нашем либеральном благодушии и равноправии.

Так я просил. Так просили мы. Искренне и доверчиво глядя честными глазами.

В ответ смотрели лица, похожие на яблоки. Глаз на них разыскать было совершенно невозможно. Смотрелись эти лица красиво и розово, но неизменно возникало ощущение, что у яблока повсюду сплошной затылок.

Может, я чего-нибудь не заметил, но я вообще не помню, чтобы нам хоть кто-нибудь ответил. Если только так, сквозь зубы: флаг переокрасили? Сталина прокляли? Ленина признали земляным червяком? Нет? И даже с тем, что война велась бездарно и погибли на ней 27 миллионов человек, тоже не согласны? Зачем вы тогда вообще сюда пришли?

Млядь, я не пришел. Я тут стоял. Идите сами откуда пришли.

В разговоре с либералами все время нужно выбирать выражения. Только они выражений не выбирают.

Знаете что? Я свободу люблю не меньше вас. Идите к черту.

Идите к черту вместе с вашими девяностыми годами, когда вы, ну, или ваши, так и не оставленные вами вожжи, раз за разом предали все: и само понятие свободы, и само понятие мужества, и само понятие либерализма, и само понятие чести.

Больше не люблю их, эти годы, хотя уже готов был полюбить. Но вы мне не дали. Больше не терплю их и терпеть не буду. Больше девяностых годов я не люблю только нулевые, но только вы не делайте вид, что нулевые вас не касаются. Вы их и породили и по сей день стремитесь в них разместиться.

В детстве, засыпая, я мечтал стать стремительным, на черных крыльях, ангелом и иногда обрушиваться на голову всяким дурным людям. Мечты об этом по-мальчишески забавляли меня, и в мечтаниях своих я засыпал.

Сейчас, вдохновленный вами, снова мечтаю о том же, только заснуть больше не умею.

Глядя на вас, я по-мальчишески хочу обвалиться куда-нибудь в Беловежскую Пущу и бить их, всех собравшихся там, голова о голову, до полного остервенения.

Глядя на вас, я мечтаю ворваться за стекло голубого экрана и эдак по-булгаковски, по-мастер-маргаритовски, в прямом эфире оторвать Сванидзе голову. Живой Николай Карлович пусть живет, а экранному голова не нужна, пусть она под столом валяется и шевелит активными губами.

Глядя на вас, я хочу, чтоб вы прожили тысячу жизней, накапливая рубль за рублем, и чтобы вас ограбили дважды подряд, на все эти рубли. И чтоб еще тысячу лет прожили вы в Приднестровье, а следующую тысячу – в Абхазии, и далее везде, особенно в Чечне, и не важно, какая у вас там будет национальность, русская, чеченская или еврейская.

Ай, как дрогнул зрачок, ну-ка перечитайте еще раз абзац выше, вдруг там что не так, нет ли там чего такого.

И главное, чтоб после всех этих ограблений вы так и остались жить в стране пустой, бессмысленной, нищей и ничтожной, лишенной и космоса над головой, и твердой почвы под ногами, и гордости за то, что вы, ее дети, здесь родились, а не на другой щеке земного шара.

Потому что, сколько ни грабили и ни мучили отцов моих и дедов, вот это чувство – радости и гордости – их не покидало.

Я, впрочем, о своих отцах и дедах говорю, а не о ваших. Ваши не знаю, что чувствовали, я за них не ответчик.

Глядя на вас, я хочу устроить над вами самый честный, самый пронзительный, самый независимый человеческий суд, потому что грехов у вас хватит на десять тысяч пожизненных сроков. Не у всех, не у всех, конечно, – но у тех, кого вы до сих пор носите на своих иконах, – у них хватит, зуб даю. Осудить их, доказать их бесконечную, чудовищную вину, а потом простить, конечно, – когда все эти сроки впаяют. Простить и отпустить с миром.

Чтоб вы наконец сняли с себя эти белые одежды и презрительные лица, чтоб заткнулись говорить на тему покаяния моего народа за весь двадцатый век, за все его муки, и страдания,

и Победы – и Победы, черт возьми. Какие вам и не снились, каких вы и не видели, каких вам, при вашей нынешней остервенелости, и не достичь никогда.

А мы хотим быть наследниками Побед. Так.

Потому что наша Победа вмещает всех. И даже вас там примут, и приютят, и пожалеют.

Потому что она и ваша тоже, эта Победа. Она выше всех, надо только научиться быть ее достойным.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ПОНИМАЮ

Тут недавно глава «Альфа-банка» Петр Авен написал разгромную рецензию на мой революционный роман «Санька».

По этому поводу в Сети разразилась огромная дискуссия, в которой участвовало несколько сотен ЖЖ-юзеров; следом подключились известные журналисты, придумавшие новый жанр: рецензия на рецензию. К примеру, свою рецензию на рецензию Петра Авена написала Тина Канделаки; роман она мой, судя по всему, не читала, но с Авеном согласна безоговорочно. Потом подключились Игорь Свиначенко, Илья Мильштейн, Алексей Коровашко...

Петру Авену я отвечу в другом месте (звучит как угроза, но это не угроза), а вот вакханалия в прессе и в ЖЖ меня даже как-то растрогала, и я хочу немного поделиться своими соображениями на этот счет. Потому что заявленный моими оппонентами, как сейчас модно говорить, дискурс имеет некоторое отношение к тому кризису, которого все так ждут и опасаются.

Сразу оговорюсь, что это будет очень личный разговор; так что, если кому нелюбопытно, как, например, я живу и как живут мои близкие, лучше сразу забросить чтение данной статьи.

Побуждают к личному разговору меня следующие соображения. До недавнего времени мне периодически приходилось спорить с моими либо либеральными, либо государственно настроенными знакомыми о будущем России. Было замечено, что в то время, пока я старательно напираю на статистику, сыплю цифрами про беспризорных и безработных, радею за демографию и географию, мои раздраженные собеседники начинают всякий ответ со слов: «А вот мой сосед... А вот у меня... А вот я... А вот мой одноклассник...» В итоге всегда получалось так, что, если посмотреть на моих собеседников, а также на их одноклассников, соседей и прочую домашнюю живность, все вокруг более чем хорошо; что до кошмарной статистики, то она тут вовсе ни при чем, ее, видимо, придумал эдакий зловредный народец, «статисты», которым самим жить плохо и другим они норовят настроение испортить.

И тут я постепенно задумался о себе, а не о статистике. Особенно обострились мои размышления с подачи моих недавних оппонентов – в первую очередь потому, что и сам Петр Авен, и Канделаки, и Свиначенко нестройным, но гулким хором обвинили меня в своих статьях, прямо скажем, в буржуазности. Вот-де – писали они каждый на свой лад – живет себе писатель, имеет две машины, личного водителя и дачу строит, а сам при этом про какую-то революцию рассуждает. Нехорошо-с.

То был первый общий постулат их выступлений.

Надо признаться, такой подход меня очень обрадовал: я вообще люблю, когда богатые люди разговаривают со мной как с равным. Это значит, что я хорошо выгляжу. Могу то есть мимикрировать. Никто же не видел моих машин, как минимум одну из которых легче убить, чем продать, дачи моей никто не видел, где нет тепла и периодически света, и даже водителя моего никто не знает, который на самом деле не совсем мой.

Но я правда хочу, чтоб все это было мое; и даже мечтаю перебраться из двухкомнатной квартиры, где мы живем впятером – с женой и тремя детьми (а до недавнего времени еще и матерью моей жены), – хотя бы в трехкомнатную. Буржуазный я или нет, в конце концов!

В том-то и дело, что нет.

Второй важный постулат моих оппонентов и бесчисленного количества ЖЖ-юзеров как раз касался проблемы получения статуса буржуа теми лузерами, недоумками и недоделками,

которые к нему стремятся, но достичь не могут, посему из чувства обиды и зависти устраивают революции.

Авен прямо говорит, что эти люди просто не хотят работать. И банкиру не в чем перед ними оправдываться, раз они не хотят. *«Те, кто не хочет, на мой взгляд, должны оправдываться передо мной»* – так он и пишет.

Тина Канделаки тоже имеет свое мнение на этот счет. *«Есть бедные двух видов, – пишет она, – бедные из группы „золушка“ – я сама когда-то принадлежала к этой группе, и думается мне, что пара-тройка российских представителей списка „Форбс“ тоже из наших; другая группа состоит из бедных рыбаков с женами-идиотками, которым даже золотая рыбка – она же лотерея, она же джекпот в казино – богатства так и не принесла. Печальный опыт всех „случайных больших денег“ заключается в том, что люди, не умеющие зарабатывать деньги, не умеют их тратить. А потому остаются бедными».*

Прочитав все это, я подошел к зеркалу и стал внимательно смотреть на себя.

Ну что сказать... В общем, я не самый последний в России писатель. За несколько лет я продал здесь сто тысяч книг и вышел на вторую сотню; еще множество своих книг продал в тех пяти, кажется, странах, где они переведены.

Потом я востребованный журналист и веду сразу несколько колонок в столичных изданиях; и даже в «Огоньке» меня привечают иногда.

Мало того, у меня есть свое ООО, и там работают несколько человек, и сам я там получаю зарплату, по среднероссийским меркам – вовсе не маленькую.

И вот я честно плачу налоги государству, и с книг, и с переводов, и с иной своей деятельности, вкалываю с утра до вечера – и до сих пор ни фиги не пойму, что мне еще нужно сделать, чтобы я хотя бы мог купить квартиру – потому что в своей мы не помещаемся.

То есть у меня полно проблем и помимо квартиры – но я уж не стану все их прямо сейчас выкладывать. Пока только за квартиру скажу. Где мне ее взять, ау! Растолкуйте мне на пальцах скорей.

Пойти, что ли, оправдаться перед Авеном в том, что я не хочу работать? Но я хочу.

Я всегда хотел: и когда грузил хлеб в магазине, и когда работал в ОМОНе, и когда колесил по области в качестве криминального репортера, потом политического обозревателя, потом редактора газеты, потом опять репортера.

Но я никогда! не мог! купить! себе! квартиру. Это абсолютно точно. Мне тридцать три года, из них почти полтора десятилетия я работаю, иногда на двух работах сразу, – и я даже не мог мечтать о квартире хотя бы минуту. Зато моя семья несколько раз оставалась вообще без средств к существованию, и еще были целые периоды, когда мы по несколько месяцев – однажды целую зиму – ели одну жареную капусту, потому что жрать больше было нечего, все доходы уходили на лекарства – и не важно, кому на лекарства, всегда есть кому поболеть.

Призрак нищеты по сей день маячит предо мной неустанно – она до сих пор не ушла настолько далеко, чтоб я перестал чувствовать ее противный запах; ее злые глаза светятся из темноты.

Быть может, права Тина и я точно не золушка, во-первых, и, во-вторых, не умею тратить деньги, поэтому вынужден «оставаться бедным», – но, может быть, мне кто-то объяснит, как бы мне их заработать, чтоб раз и навсегда убедиться, что тратить их я не умею? Тина, не объясните?

Я действительно не понимаю, в качестве кого в России нужно трудиться, чтобы приобрести жилплощадь в крупном городе, например в Москве. Или в Санкт-Петербурге. Или в Нижнем Новгороде. Кто и как фиксирует зарплату человека, который покупает себе недвижимость? Чего он делает, этот человек? Кем устроился?

Я даже не очень понимаю, где работают люди, которые готовы брать кредит и платить за квартиру десять лет, – потому что и таких денег у меня нет; и уж тем более нет уверен-

ности, что они будут у меня все эти годы. (Про кредиты мы вообще говорить не станем, в нынешних-то условиях.)

И что это за государство такое, какая у него финансовая система и насколько прозрачна эта система, если его граждане, тем более в бюджетной сфере, в принципе – если живут по закону, на зарплату, пусть даже не самую большую, – не могут приобрести себе жилья? А если приобретают, то они, ну, в девяти случаях из десяти, где-то как-то кого-то обманывают, то же государство, например.

Это же как-то нездорово, что ли.

Тут к разговору подключились ЖЖ-юзеры, и я рискну процитировать некоторых из них – из числа не согласных со мною.

Вот юзер bel_ok, о котором я не знаю ничего, кроме того, что он – женщина, сообщает: *«Все, кому не нравится созданное буржуями рабочее место, могут его покинуть и создать свое прекрасное».*

С bel_ok пытались спорить: *«Чушь. Рабочий на заводе не может, например. Большинство специалистов тоже. Подавляющая часть людей не может этого сделать даже теоретически».*

Но bel_ok была непреклонна: *«Может любой, кто захочет. Другое дело, что те, кто не хотят самостоятельной ответственности за свой заработок, хотят непременно, чтоб им все гламурно сделали там, где они привыкли быть».*

Рабочий с завода может уйти на другое предприятие, заняться другим видом деятельности, более востребованным на рынке. Специалисты тем более могут, если они действительно Специалисты. Если люди давно утратили свою квалификацию и конкурентоспособность, то учиться, учиться, учиться им надо <...> Успешные люди так и делают: уходят оттуда, где им плохо, туда, где лучшие могут реализовать свои таланты. Если таланты есть, то это нормальный путь. Если талантов нет, то, конечно, все вокруг виноваты».

С bel_ok еще раз, из последних сил, попытались не согласиться: *«Шахтер (на закрытой шахте!) или металлург-технолог (на единственном в городе обанкротившемся предприятии!) – они таланты? или какой-нибудь специалист по проектированию профиля сопел жидкостных ракетных двигателей? им куда „успешно“ „реализовать свои таланты“?!»*

Ответ уже слетал с языка: *«Знаю четверых специалистов по проектированию профиля сопел. Двое имели свою успешную фирму по вентиляции и кондиционированию и проектировали кондиционеры. Параллельно еще торговали какими-то летательными аппаратами легкомоторной авиации. Сейчас из виду выпали. Чем-то другим занимаются. А потомственный ракетчик променял секретность на возможность путешествовать по всему миру. Имеет свою интернет-компанию и строго не реже двух раз в год куда-нибудь путешествует».*

Девушку, которая параллельно с ракетным образованием получила в МАИ специальность бухгалтера и потом работала бухгалтером, я слишком давно из виду потеряла. Ничего сказать не могу».

Шахтеру и металлургу надо менять профессию.

Лично я к своей инженерной профессии вернулась через должности дизайнера и менеджера по продажам, но уже на новом витке и с новым опытом работы. Опытные инженеры, умеющие грамотно продавать, – это большой дефицит на рынке. Так что меньше капризничайте, и все у Вас получится».

Признаться, я был в восторге.

Женщина все-таки! И такой дистиллированный цинизм. Ой, нет. Это называется «социал-дарвинизм».

И опять, видите, у нее много знакомых, и у самой отличный опыт. Умеют же люди.

Вот я знаю деревню, где жили родители моего отца, и другую деревню, где жили родители моей матери. В обеих деревнях средняя зарплата тысячи, скажем, три; хотя, возможно, меньше. Вообще в России 25 % населения живет в сельской местности. И теперь я знаю, какие плакаты стоит развесить во всех этих деревнях и селах. «Не капризничайте!» И еще что-нибудь, мелким шрифтом, из Канделаки, про «бедных рыбаков с женами-идiotками». Очень актуально будет смотреться.

Я в разные годы бывал в городках России, которые депрессивны целиком: там остановилось все производство, и жить невозможно, и уехать нельзя. Закрывая глаза, я вижу, как все население этих мрачных поселений, тысяч, скажем, семнадцать человек снимаются с места и медленно идут в Москву. Приходят туда, встают на центральной площади и говорят: «Мы пришли переучиваться. Бедные рыбаки и жены-идiotки, все пришли. Переучите нас».

Недавно я вернулся из путешествия по Сибири; и вот думаю за сибиряков, живущих, скажем, в поселках: как им быть? Чтоб накопить только на билет до Москвы, надо продать свой дом, а можно еще и дом соседа. Но что там делать потом в Москве? Это понятно, «не лениться», «не капризничать» – это мы слышали. А конкретно что? Поселиться с пятьюдесятью таджиками в однокомнатной квартире и начать свой путь на вершину? «Великая московская мечта».

Или вот моя мама. Она медсестра. Она тридцать пять лет в медицине. Молодая, в сущности, женщина, еще целая жизнь впереди. Недавно вновь устроилась на работу. Зарплата четыре тысячи рублей. Подскажите кто-нибудь, на кого ей нужно выучиться, чтоб зарабатывать, например, шесть тысяч. Или ей нужно переехать в Москву? К таджикам?

Папа мой умер, но до того он двадцать лет преподавал в школе. Ему сейчас было бы около шестидесяти, и он бы по-прежнему учил детей истории; и ему тоже не мешало бы переучиться на кого-нибудь, не ребенок ведь – чего не поучиться. Иначе как бы он ощущал себя человеком и мужчиной в России?

Прошу прощения, что я тут говорю тривиальные и очевидные вещи. Но мои оппоненты несколько не стесняются произносить свои очевидности. А они известные люди, им внимают массы.

Мы живем в забавном государстве, думаю я: здесь, чтобы реализовать свои элементарные права – право на крышу над головой и право на хлеб насущный для себя и своих близких, – надо исполнить необычайной красоты кульбиты. Менять родные места и работы, получать одно образование и работать в другой сфере, идти по головам, причем желательно не ногами идти, а на руках... Просто крестьянином быть нельзя. Просто медсестрой быть нельзя. Просто инженером быть нельзя. Просто военным быть вообще не рекомендуется.

Самое смешное, что вывод у нас один и тот же: содержание населения России нерентабельно.

Философия социал-дарвинизма, которой нас так вкусно и обильно кормили во времена пресловутой «перестройки», – она не устарела. Она актуальна как никогда. Мало того, она и есть – наша государственная идеология. В качестве идеологии социал-дарвинизм не озвучивается, но, безусловно, подразумевается.

Есть тихое, как зуд, ощущение, что на этой земле государство никому ничего не должно.

Граждане, правда, тоже не очень должны государству. Например, они вовсе не должны участвовать в политике. И даже если им кажется, что они должны, – им это только кажется. Они не должны иметь претензии. А то претензии будут к ним.

Я сделал все, чтобы это государство не имело ко мне претензий. Взрастил свой сад, вскормил свой род и буду дальше растить и дальше вскармливать. Но я так и не услышал не то что ответа, но даже эха, когда прокричал государству: «Я действительно не понимаю,

как здесь всем нам, рыбакам-идиотам, выжить и кто станет защищать эту страну, когда она обвалится в кризис».

Я действительно не понимаю.

НЕ ХОТЕЛОСЬ ВСЕРЬЕЗ, НО ПРИДЕТСЯ...

Ответ Петру Авену

Журнал с очаровательным названием «Русский пионер» опубликовал статью главы «Альфа-банка» Петра Авена о моем романе «Санька», а потом предложил мне Авену ответить.

Аргументация моего оппонента оказалась, к сожалению, предсказуема; я как-то даже не ожидал, что мне в который раз сообщат, что нехорошо устраивать революции вместо того, чтобы «посадить дерево, построить дом, постирать носки, прочитав на ночь сказку ребенку...», ну и так далее, бла-бла-бла.

Ситуация усугубляется тем, что я, автор романа «Санька», на сегодняшний день и далеко не первый год состою в партии, которую нельзя называть (так как она запрещена в нашей замечательной стране, где право на политику заменено полноценным правом стирать носки и далее по списку).

Как следствие – мне приходится отвечать не только за героев моей книги, но и за себя.

По странному стечению обстоятельств последние полгода я в муках занимаюсь строительством дома и обустройством близлежащих территорий, включая посадку деревьев. Сказку я читаю на ночь не просто ребенку, а сразу троим ребятам. Лампочку я в своем подъезде вкрутил, налоги заплатил и даже содержу небольшое предприятие, обеспечив рабочими местами двенадцать человек.

Да, забыл про носки; к сожалению, я не стираю их дома, так как у меня есть стиральная машина; зато я маниакально чистолюбив в поездках; так что могу в качестве доказательства выслать в отдел аналитики «Альфа-банка» несколько пар собственноручно выстиранных носков, которые я привез из недавней поездки по Сибири.

Несмотря на то что свой гражданский долг я (равно как и многие мои товарищи и герои) выполнил и даже перевыполнил, я никак не могу понять, какое отношение имеет мое личное поведение к состоянию страны, в которой я живу. Ничего не знаю о том, как себя чувствует страна, где проживает г-н Авен, но касательно будущего моей земли предчувствия мои, пожалуй, апокалиптические. Ни экономика этого государства, ни внешняя политика, ни отношение к гражданам и к их свободам, ни простые человеческие манеры представителей власти не дают мне надежды, что Российская Федерация сохранит свою географию и разберется со своей демографией.

Догадываюсь, что нечто подобное испытывают герои моей книги (даже нескольких моих книг). То, что не все из них успели посадить свое дерево, ничего не отменяет. Зато многие из них успели посидеть (и поседеть) сами – во имя тех ценностей, с которыми многие их оппоненты с удивительной легкостью расстались, вполне благополучно устроившись в мире безо всякой там свободы и прочих парламентских благоглупостей.

Ничего, что я так примитивно рассуждаю? Все ведь гораздо сложнее, вы думаете? Ну, вот я так не думаю. В данном случае все достаточно просто.

Различие мое, равно как и моих героев, с г-ном Авеном примитивно и поверхностно: в случае кризисной ситуации он, совместно со своей семьей, если таковая имеется, сможет покинуть эту страну и наблюдать за ходом событий извне. Что бы он там ни писал про свою ответственность за эту страну, в нужный момент всегда можно будет сослаться на «взбесившееся быдло». А я не могу вывезти отсюда ни себя – черт бы со мной, – ни своих детей, что меня, признаюсь, пугает. И сослаться мне не на кого.

И вовсе не страдания ищут герои мои – напрасно г-н Авен наделяет их поведение паразитарными смыслами: и в книге, и в жизни они, скорее, этого счастья жаждут, и пользоваться им умеют, и хотели бы разделить эту возможность с иными людьми.

«Вирус (левизны, разрушения, социализма) в большей части мира (отсталого во многом благодаря ему) кажется непобедимым, – сетует г-н Авен. – И пишутся все новые и новые статьи – Валерия Ильинична Новодворская выдает по одной в неделю. Не помогает».

Когда я слышу подобные речи, мне каждый раз втайне хочется понимающе подмигнуть оппоненту – ну, не может же он всерьез все это говорить. Ортодоксальным социалистом быть сегодня и скучно, и нелепо. А вот ортодоксальным либералом по-прежнему вроде как прилично.

И если я Авену подмигну, он не поймет, что это я тут моргаю.

В итоге во что я должен поверить? Что благодаря «вирусу левизны, разрушения, социализма» появился сегодняшний Китай или вопреки вирусу? У нас же из истории родного Отечества известно, что все лучшее созданное советской властью появилось вопреки ей, а все худшее – это дело рук гадких коммуняк.

Я всерьез должен поверить, что в дюжине латиноамериканских стран живут и богаче, и свободнее, и самобытнее, чем на Кубе? Что в Латвии несравненно лучше, чем в Белоруссии? Что будущее Северной Кореи предопределено, а Южной – радостно и оптимистично?

А что за вирус мучит Европу и США, с их все более усиливающейся растерянностью и откровенным креном в сторону госкапитализма, планового производства и прочих артефактов недавнего нашего прошлого?

Увольте меня из вашего черно-белого мира, где капитализм надо только разрешить, а социализм надо строить, причем исключительно на человеческих костях. Этот мир отменен давно, капитализм, безусловно, не менее жесток, жаден и страшен, чем любая иная форма правления миром, а свою бесперспективность доказали многие и многие идеологии; причем в России доктрина либеральная обесмыслила себя особенно стремительно, старательно и страстно. Я даже жалею об этом, честное слово.

В моей книжке много говорится о том, что новые времена все более идеологичными делают человеческую моторику, харизму, мужество.

Тем более что оппонировать на поле идеологий нынешней власти совершенно бессмысленно. Ввиду ее полной идеологической аморфности власть в России в любое мгновение может принять «левый» окрас, может даже «красно-коричневый», а может и «оранжевый» – была бы необходимость, а PR приложится.

Посему идеологический спор меж мной и г-ном Авеном бесперспективен: и я куда более переживаю за други своя, чем за все идеологии, вместе взятые, и г-н Авен, будь он действительно либерал, давно бы занялся в России другими делами вместо руководства крупнейшим банком.

Что касается чисто человеческих претензий г-на Авена – что моими героями, моими товарищами и, возможно, мной самим движут «неудовлетворенные амбиции, лень и страх», – то здесь можно лишь руками развести.

Предполагаю, что вполне прозрачный страх движет г-ном Авеном, а моими сотоварищами движет бесстрашие, уж простите за высокий штиль.

Если «ленью» лукаво называть любое желание встраиваться в существующий порядок вещей – то да, тогда и лень; правда, лень эта обладает странными свойствами – когда люди проявляют чудеса работоспособности и выживаемости в любых нечеловеческих условиях, попасть в которые для всякого ленивого человека было бы равносильно смерти.

Неудовлетворенные амбиции движут всеми нормальными людьми; и политические амбиции не хуже любых иных. Правда, в данном случае я бы не говорил собственно про амбиции – потому что куда больше героями моими движет желание быть людьми, жить

людьми, любить людьми – и отвечать за многое, за все, за целую страну, а не только за «рабочие места, стипендии – будущим инженерам» и все то, что не без сладострастия приписывают себе и г-н Авен, и многие ему подобные. Низкий вам поклон, что тут сказать. Только оставьте людям право измерять свою жизнь другими категориями. И не надо делать вид, что «рабочие места и стипендии» – это нечто такое, чего никогда не было в мире до вас, а потом вы это придумали и подарили людям, наподобие огня или колеса.

Г-н Авен в своей статье брезгливо помянул лишенный очистных сооружений, «самый грязный город в мире» Дзержинск, где жил я, а он не жил никогда. Такое ощущение, что Дзержинск построили нацболы, одарив неподалеку гостившего у бабушки молодого Авена астмой, о чем он сам вспоминает. Построили его, однако, не мы, но я все-таки замечу, что Дзержинск никогда не был самым грязным городом в мире, и даже в советские времена делил звание одного из самых грязных городов со своими коллегами на Западе, вовсе не опережая их. В Оке, на которой стоит Дзержинск, я все детство купался, и люди там без вреда для жизни купаются до сих пор и рыбу ловят – чего не рискнут делать граждане в половине крупнейших европейских столиц, не говоря о людях, проживающих близ зарубежных хемигигантов (которые, правда, многомудрые капиталисты предпочитают переправлять в страны третьего мира – создавая при этом, конечно же, рабочие места дикарям, но лишая рабочих мест собственных граждан).

Но я не о том. Я просто хочу сказать, что Дзержинск, равно как и другая моя, малая родина – деревня Ильинка в Рязанской области, – актуальные по сей день примеры массового исчезновения рабочих мест, и остановки десятков огромных производств (в Дзержинске) и привычного сельскохозяйственного оборота (в Ильинке), путем банкротства колхоза. Я никоим образом не желаю обвинить г-на Авена в произошедшем – как и в том, что в России до сих пор ежегодно, как при нескончаемой чуме, исчезают сотни деревень, – но, право слово, все ваши «рабочие места и стипендии» объективно не способны изменить здесь ситуацию.

Не способны. И не меняют.

Так что делайте свое дело и не мешайте заниматься своими делами другим людям, пусть и не похожим на вас. Либерализм – не сектантство. А то мне иногда кажется, что вы чужую свободу ненавидите не меньше, чем всевозможные ксенофобы и националисты самых постыдных мастей.

Самое важное наше с г-ном Авеном различие в том, что для меня свет клином не сошелся на моей правоте, и я в ней вовсе не уверен, но лишь ищущий ее (о чем неоднократно и прямо, и косвенно говорю внимательному читателю в своем романе). Зато г-н Авен в своей правоте уверен бесконечно и яростно, он-то давно все понял.

А мы нет. Ну и флаг нам в руки.

Что до стилистических претензий г-на Авена к тексту моего романа, то здесь мне придется замкнуть уста. Может, и у меня есть претензии к г-ну Авену по поводу его банковской деятельности – но едва ли он их стал бы даже выслушивать.

А я вот выслушал и смолчал.

Определенно, я человек большой культуры.

ФИДЕЛЬ – ЭТО ПОЭЗИЯ

В ночь росы прогибаются ветви,
Мои губы и память как лед.
Я погибну на самом рассвете,
Пальма Кубы меня отпоет¹.

Такое вот во мне звучит...

Нет, вы всерьез верите, что у любого американского президента грехов меньше, чем у Фиделя? Ткните пальцем в первого попавшегося янки из Белого дома за те полвека, что Фидель провел у власти, – их бодрых дел хватит на трибунал в любой Гааге. Этих янки было девять, и едва ли вы вспомните имена хотя бы трех из них. Зато имя Фиделя помнят все.

Ну, были диссиденты на Кубе, и, о да, поломанные судьбы были. Но найдите мне место на планете, где раздраженных нет, где тонких судеб не ломают о государственное колено. Тем более – экономическая изоляция, огромная туша США, застывшая белый свет и великолепное кубинское солнце; а еще предавшие музыку революции и оглохшие на оба уха маразматика из СССР в лице главных друзей Фиделя... Ему было трудно.

Все черти славы в сковородки били,
И мертвецы вставали из могил,
Когда я шел в тумане красной пыли
И Кубу на подошвах уносил.

Без хриплого, сумасшедшего голоса Фиделя планета Земля была бы скучной. Помните, как она опустела в той песне про Гагарина и Экзюпери – вот так же тошно было бы и без него.

Ковбой Рейган, Хрущев с кукурузой, даже полковник Кадафи, и все северокорейские лидеры, чьи имена мы отчего-то знаем, и все южнокорейские, чьих имен ни помнит никто, – все это неизбежно наводит тоску, тощицу наводит, а Фидель так и не надоел за все это время.

Представьте, что Хрущев полвека руководил бы Россией, до сих пор бы кричал тут про «пидарасов»? А? Или Рейгана на 50 лет посадите в Белый дом... Невозможно даже подумать об этом, немедля возникает желание завывать. А как только Фидель появлялся на голубых телеэкранах – сразу хотелось танцевать.

И бомбой взорвется рубма
От Бреста до Магадана,
И будет такая Куба,
Одна сплошная Гавана.

Он сделал из маленького народа народ великий, упрямый, несломленный и гордый. Единственное социалистическое государство в Западном полушарии! И там, надо сказать, не умирают от голода. Мало того, продолжительность жизни на Кубе – почти 77 лет у мужчин и 79 у женщин. Что неудивительно – ведь на 100 тысяч кубинцев приходится 591 врач, в то время как в США – 549, у нас – 420, а в Боливии – 73.

¹ В статье использованы строки стихов поэта Юрия Кузнецова и текст песни «Куба далеко» группы «Запрещенные барабанщики». Ему было сложно, и он ответит за все, но мы все равно должны ему за поэзию. Если вы ее не слышите – никто не виноват.

И хотя там падают темпы рождаемости, на Кубе до сих пор наблюдается именно что прирост населения, то есть людей по-прежнему год от года становится больше, а не меньше. В отличие опять же от России: у нас если в позапрошлом году вымерло 800 тысяч человек, а в прошлом «всего» 700 тысяч – это на чистом глазу именуется «демографическим взрывом».

Сил уже нет все это выслушивать в самых разных аранжировках...

Закрою глаза, и мигом
Все вокруг такие мучачос,
Все вокруг такие амигос,
А открою глаза и плачу...

Куба далеко!

На Кубе миллион юношей и девушек имеют высшее образование, при том что кубинцев всего 11 миллионов. Еще там реальный подъем экономики вовсе не связан с приростом количества кубинских миллиардеров, которых там нет вовсе.

Бог любит кубинцев не меньше, чем Хемингуэй, – они милы ему настолько, что возле берегов Кубы недавно нашли нефть. Всего лишь в 20 милях к северо-востоку от Гаваны! Чуть ли ни 10 млрд баррелей: для экспорта вполне хватит и еще самим останется.

Сегодня многие спорят, что станет с Кубой после Фиделя.

По большому счету, это уже не важно. Фидель отвоевал чуть ли не целое столетие у истории, намертво впечатав туда свое горячее имя, – не такая уж малая победа, и разве стоит желать большего? Даже самые злые враги Кастро не смеют испытывать сегодня злорадства – и это очень важно.

Какая разница, что придет на Кубу – китайский государственный капитализм, американский протекторат или русское бездорожье. Хочется, конечно же, чтобы Куба осталась все той же, единственной в Западном полушарии, горячей и страстной Кубой, – но при любом исходе история ее уже сложилась и пересмотру не подлежит. Имя Фиделя звучит как поэтическая строчка, и сколько еще отдаваться этому имени в жадных до веселого дела сердцах – никто даже не догадывается.

Что тебе снится теперь, Фидель, в этом жарком кубинском феврале?

Зимой 56-го года отряд Фиделя высадился на берегу Кубы, это был декабрь.

Зимой 57-го года Фидель провел бой у реки Ла-Плата, и это стало первой удачной операцией его бойцов, то было в январе.

Зимой 59-го года Кастро во главе колонны Повстанческой армии вступает в столицу и вскоре занимает кресло премьер-министра, как раз в феврале, 49 лет назад.

Самолично в эту зиму уходя от власти, Фидель одерживает очередную зимнюю победу, и, возможно, еще не последнюю.

Он по-прежнему полон достоинства и в отличие от большинства государственных правителей минувшего столетия, известных мне (уж российских-то наверняка), не делает вид, что собирается жить вечно: «Готовить Кубу психологически и политически к моему отсутствию – вот что было моим главным обязательством после стольких лет борьбы, – говорит Фидель. – Я бы предал мою совесть, принимая на себя ответственность, требующую мобильности и полной самоотдачи, которых я лишен по физическим причинам. Я говорю это без драматизма».

Это слова не пасынка, но сына. Тот самый случай, когда подступившая к глотке драма звучит светло и чисто. Ну, как поэзия, я же говорю. В России эта высокая нота особенно хорошо слышна.

Раньше Кубе снилась наша страна. Потом Куба снилась нам. После сны перепутались, и краски их размылись. Но стихи все еще звучат.

Мне снилась даль, подсолнух подле хаты,
Калитка, отраженная в реке.
Когда на берег я сбегал по трапу,
Стучало сердце в каждом каблуке.

Я к матери бежал, кусая губы,
В косых лучах смеющейся слезы.
А по стране, как отпечатки Кубы,
За мной тянулись красные следы.

А это уже о будущем. Это уже о будущем сказано.

СЛИШКОМ МНОГО ПРАВЫХ

Мне и не вспомнить теперь, с какой целью мы собирались с пацанвой на огромном сеновале, в конюшне. Скорее всего, там было тепло, а внизу дышал и перебирал большими губами конь. Приходил конюх, и мы затихали в испуге, беспричинно хихикая в ледяные воротники.

В переизбытке чувств, чтоб всех вконец рассмешить, один чернявый, с наглыми глазами пацан из соседней, приросшей к нашей деревни нарисовал на морозном оконце свастику: до сих пор вижу его грязный ноготь и вдохновенное лицо с ехидным прищуром.

Сосед мой, Саша, живший через дорогу от нас, простой и, быть может, не самый разумный паренек, завидев рисунок, дернул щекой и спросил:

– Ты это... опять?

– А чего? – ответил чернявый. – Я вообще считаю, что Гитлер был... что надо. Столько стран захватил.

Утопая в сене, Саша перевалился поближе к оконцу и звонко ударил рисовальщика в челюсть.

Тот ответил дурным, обиженным матом и сразу получил еще раз, но уже в нос, из которого яркая и очень обильная весело полилась кровь.

Сашу я не видел уже четверть века, но многие годы в дурных и унижительных ситуациях, когда унижали не меня даже, а нечто крайне важное вне меня и надо мной, я говорил себе: «Сейчас Сашка придет и...»

Слишком много толерантности, знаете ли. Слишком часто я сам себе позволял всевозможные вольности, которые позволять нельзя: не было Саньки на меня.

Настали времена относительности всех понятий и атрофировали наше сознание. Мы способны разжевать и сплюнуть любую очевидность, пожав плечами и сказав: «Ну, это сложный вопрос, нельзя так однозначно...»

Это простой вопрос. Нужно именно что однозначно, не то можно словить в челюсть.

В тот раз Сашка начал затирать свастику vareжкой, но получалось плохо, и он снял с правой руки связанный бабушкой дар и приложил к нарисованной свастике голую ладонь. Через минуту гадкого рисунка не было: зато был отпечаток детской руки на стекле и сквозь нее – почти бесцветное зимнее солнце.

Я вспомнил в ту минуту, как позавчера, в школе, сам нарисовал такого же паука в тетради, привычно перепутав, в какую сторону свастика смотрит. Вспомнил и сам себя застыдил. Как бы этот стыд пронести через всю жизнь.

Мы и так в последние времена оказались почти что в пустоте: с тысячелетним рабом внутри, с историей Родины как сменой методов палачества, а «Есенин был странно близок с гомосексуалистами», а «Космодемьянская оказалась душевнобольной», а «Гагарин не летал в космос», а еще разруха в головах, тьма в подъезде, и к свободе мы пока не готовы.

Оставьте нам хоть что-нибудь, хотя бы одно крепкое место в этом болоте, где мы удержимся на одной ноге, вторую поджав, что твоя цапля – с неизменной лягушкой в клюве. Чего-чего, а лягву нам всегда подсунут. Но нет нам крепкого места, все туда кто-то другой стремится присоседиться, а нас спихнуть. Атаман Всевеликого войска Донского и по совместительству депутат Государственной думы Виктор Водолацкий подписал указ о создании рабочей группы по реабилитации повешенного за сотрудничество с нацистами генерала Петра Краснова.

Ох, атаман Всевеликого войска, ой, не шути так сегодня...

«Пока Москва корежится в судорогах большевизма и ее нужно покорять железной рукой немецкого солдата – примем с сознанием всей важности и величия подвига самоот-

речения иную формулу, единственно жизненную в настоящее время: „Здравствуй, фюрер, в Великой Германии, а мы, казаки, на Тихом Дону“» – так писал Краснов в июле 1942 года.

«Железной рукой», значит, «нужно покорять» Москву. И железной пятой топтать потом.

Мой рязанский дед как раз в июле 42-го заканчивал учебку, и вскоре вывезли его в чистое поле под Сталинградом, где получил он первую свою контузию и потерял первого напарника – дед был пулеметчиком, – и только «вторых номеров» у него убило шесть человек за войну.

Другой мой, липецкий, дед – комбайнер, имевший бронь, последний раз жал тем летом рожь и осенью ушел в артиллеристы, а потом попал в плен, откуда вернулся 47-килограммовым доходягой: двухметровый мужик. Чуть не выдавили из него жизнь железной рукой.

Теперь казачий депутат рассказывает нам, что Петр Краснов сражался против большевизма. То есть, если бы, скажем, рязанскому деду моему снесли опозоренной казачьей шашкой беспартийную голову, это оказалось бы борьбой с Советами, а никак не с моим дедом и не с моим родом?

Не родился бы я, не родились бы родители мои, не было бы детей моих – зато и большевизма не было бы: так, верно, стоит мне рассуждать.

Надо задуматься нам, неразумным, над словами атамана Всевеликого войска. Видимо, мой подход слишком одиозен, однокбок, относителен. Я историю Родины пытаюсь соотносить с той кровью, что текла в моем покойном старике, чья парадка весила как кольчуга, с той кровью, что течет во мне и нынче переливается в сыновьях моих. А соотносить историю надо с чем-то иным: чему, к несчастью своему, прозванья я не знаю.

«Казаки! – взывал Краснов в 1944 году. – Помните, вы не русские, вы казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам. Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою независимую от Москвы жизнь».

Славные речи, а! Тем более что у нас до сих пор очень большая страна, издавна враждебная и казакам, и Новгородской республике, и Сибири, и Казани, и Дагестану. Как тут не поддержать атамана в его высокой правоте.

К тому же Виктор Водолацкий упирает на то, что Краснова не имели права вешать, так как он не был гражданином Советского Союза, а потому изменником Родины считаться не может.

Какая неглубокая казуистика, однако. Может, тогда и реабилитировать его не надо: он присягу давал Российской империи и Государю Императору – вот пусть где-нибудь в той стороне и в той стране его и реабилитируют. У нас нынче ни империи, ни императора нет, чтобы данный вопрос разрешить в угоду атаману Всевеликого войска.

Зато у нас есть одна Победа, одна на всех... И не дай Бог мы опять продешевим.

Пусть на небесах покоится душа отважного генерала. На земле нашей нет ему места. Он сам сделал свой выбор.

Не усердствуйте так, атаман. Не ровен час какой-нибудь Санька бродит неподалеку, с цепкой рукой в бабушкиной заиндевелой варежке.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗРАБОТНОГО

Наивный юноша, увольняющийся из спецназа, в 199... году я прибыл в город N в надежде найти работу. На предпоследние деньги купил я пышные, как перины, газеты с вакансиями, разложил их на полу и прилег рядом.

Сердце мое подрагивало в приятных предчувствиях. Меня возбуждало самое слово «вакансии», в нем слышался гул моего бесконечно очаровательного будущего.

Сейчас я найду себе отличную работу, был уверен я, и мне будут платить много денег, ведь я молод, красив, обаятелен. То, что я никакими полезными навыками не обладал и последние пять лет ничего не держал в руках, кроме автомата, меня не волновало.

О наивность юношества. Единственный способ познания мира.

Ввиду того, что ни плотником, ни столяром, ни газовщиком, ни крановщиком я быть не мог по определению, мое внимание сразу привлекли набранные крупным шрифтом, изобилующие восклицательными знаками объявления о поиске «экспедиторов» и «продавцов-консультантов». Это как раз то, что мне нужно, был уверен я. Я стану лучшим в мире экспедитором. Тем более что все эти вакансии, согласно объявлению, были высокооплачиваемы.

На звонок ответила светлым и сладостным голосом особа женского пола: «Здравствуйте, меня зовут Катя. Давайте знакомиться?»

Несколько легкомысленно улыбаясь, я назвал свое имя.

– А сколько вам лет? Прозвучала цифра.

– Замечательно! Учитесь, работаете?

Выяснилось, что и с первым, и со вторым в моем случае покончено; но со вторым – временно.

– Очень хорошо! – неизменно реагировала моя очаровательная собеседница, улыбаясь за кадром. Сердце мое при каждой положительной реакции сладко вздрагивало. «Подхожу! Подхожу! – пели в душе ликующие птицы. – Нет, все-таки у меня замечательные данные: и возраст, и образование...»

– Итак, мы предлагаем вам следующие вакансии, – сообщили мне, перечисляя. – ... Вас что-то заинтересовало?

Конечно, заинтересовало, особенно обещанный размер зарплаты. «Вас будут ждать по такому-то адресу».

Фирма, куда я направил стопы, имела внушительную железную дверь, которую мне открыли только после того, как я назвал фамилию в домофон и показал паспорт охраннику в белой рубашке и галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.